

Дело чести белорусских писателей

С невиданной быстротой восстанавливает героическая Беларусь, вписавшая незабываемые страницы в летопись Великой Отечественной войны, свою промышленность, сельское хозяйство, застраивает поселения, разбивает сады и парки на месте руин. Совершает чудеса творческая энергия белорусских рабочих и колхозников — вчерашних партизан и солдат Советской Армии. В прошлом году валовая продукция республиканской промышленности возросла на 44 процента по сравнению с 1947 годом, значительно перевыполнены планы поставок государству хлеба, картофеля, льна, восстановлена ошумевшая система на 137 тысячах гектаров бывших болот.

Называйте мою республику
Страною темных лесов!
Помогите
Над нею светяться
Огни заводских корпусов.
Называйте мою республику
Страною тихих долин!
А прислушайтесь —
И докатятся
Голоса могучих турбин...

— так взволнованно пишет один из молодых белорусских поэтов — Кастусь Курносый, выражая неполоумную гордость своего народа, уверенно идущего под руководством партии Ленина—Сталина к высотам коммунизма.

Стремительно подем народного хозяйства республика опустошает расцвет науки, искусства, литературы. Одним из проявлений успешного послевоенного развития белорусской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, явился закончившийся несколько дней назад Второй съезд советских писателей Белоруссии.

С честью выдержали белорусские писатели вместе со своим мужественным народом великие испытания Отечественной войны. Они показали себя пламенными патриотами, стойкими бойцами. Они самоотверженно боролись в рядах армии и в партизанских отрядах против злодеяний захватчиков, работали в редакциях фронтовых газет.

Кончилась война. Трудящиеся Белоруссии с невиданным азимутом, энергией приступили к восстановлению разрушенного народного хозяйства. Писатели Белоруссии, кровно связанные с интересами своего народа, сменив винтовку на перо, как каменщики сменили ее на кельму, как трактористы — так на трактор, начали обрабатывать в своих произведениях титанический созидательный труд рабочих, колхозников.

Никогда еще не было такого творческого подъема у белорусских писателей, как в послевоенное время. Именно в эти дни Аркадий Кулешов, Петрус Бровка, Максим Танк были удостоены почетных званий лауреатов Сталинской премии.

Больших успехов белорусская литература достигла в результате борьбы за осуществление исторических постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам, а также постановлений ЦК ВКП(б) Белоруссии о литературе. Эти решения помогли покончить со всякими проявлениями безличности, апатичности, равнодушия перед гнилой культурой Запада.

Во втором съезде белорусские писатели пришли со значительными творческими достижениями.

Страстность, партийность изображения действительности, широта исторического кругозора, своеобразные формы, — вот сегодняшнее лицо белорусской литературы, успешно овладевающей методом социалистического реализма. Необычайно расширился ее тематический диапазон. Белорусское поэтическое слово гордо славит и труд героев Донбасса и победы Народной-революционной армии Китая, оно клеймит поджигателей войны, оно звучит на весь мир пламенным призывом в защиту мира и демократии!

В лучших произведениях последних лет белорусские писатели создали подлинно-романтические образы большевиков. Комиссар партизанского отряда в повести Ивана Шемякина «Глубокие течения» и коммунист-инженер, строитель сельской гидроэлектростанции в поэме Аркадия Кулешова «Новое русло» — это живые, страстные, борющиеся люди, всеми своими мыслями устремленные в коммунистическое будущее, всеми своими действиями приближающие наступление этого близкого будущего.

Однако белорусские писатели не должны самоуспокаиваться.

Председатель в феврале этого года XIX съезд коммунистической партии большевиков Белоруссии отметил, что писатели республики создали мало книг о трудовых подвигах народа в послевоенный период. Эта же мысль высказывалась и на писательском съезде.

Особенно слабо изображается в белорусской литературе рост индустрии, рост рабочего класса.

Белоруссия не просто восстанавливается. Здесь создаются совершенно новые отрасли промышленности: тяжелое машиностроение, химическая, инструментальная, тракторная, автомобильная.

Вступают в строй огромные заводы, вооруженные передовой техникой.

Первые попытки изобразить этот знаменательный процесс сделали два белорусских прозаика — М. Паскодавич и А. Кулаковский. Повесть Паскодавича «Теплое дыхание» рассказывает о рождении автомобильного гиганта, о том теплом дыхании Родины, каким согрета эта большая стройка. Повесть Кулаковского «Закатка» показывает формирование молодых кадров рабочего класса на строительстве тракторного завода.

Рабочие Минского тракторного завода писали в своем письме к делегатам съезда: «Жизнь наша куда богаче и интереснее, чем это показано в художественной литературе. Возьмите хотя бы наш тракторный завод и трест Белтракторстрой с его многотысячным коллективом. Сколько нового и интересного можно найти в его жизни! Тут много рабочих с богатым жизненным опытом — бывших фронтовиков и партизан, кадровых рабочих, которые строили Сталинградский, Харьковский и другие тракторные заводы в годы первых сталинских пятилеток, тут много молодежи, которая пришла на строительные площадки из деревни, из западных областей Белоруссии и переиспытывается в нашем дружном боевом коллективе, овладевая сложной современной техникой. Загляните в наши цехи, на строительные площадки! Сколько находчивости и трудолюбия проявляют рабочие, чтобы скорее выполнить и перевыполнить план, скорее пустить в ход наш завод...»

В этих словах — большой счет белорусским писателям, которые должны неукоснительно и ядро отображать индустриальную перестройку своей республики.

Великие события происходят и в колхозах и совхозах Белоруссии. Какую захватывающую книгу можно написать о разработанном учеными плане превращения Полесской низменности в плодородный, цветущий край, о новом наступлении на болота! А где в белорусской литературе изображение таких новаторов сельского хозяйства, как Герой Социалистического Труда Евдокия Кухарева или Герой Социалистического Труда Тамара Шкучко?

Вне поля зрения писателей остаются пока и те важные процессы, которые происходят на землях Западной Белоруссии, где растут колхозы и промышленность, где идет борьба с остатками вражеских элементов, пытающихся помешать утверждению в жизни социалистической новки.

Но дело не только в темах.

Многие выступавшие на съезде говорили о низком художественном качестве ряда произведений. О внимании к форме писал в дни съезда классик белорусской литературы Якуб Колас: «Помогите, как изменился наш язык за прошедшие тридцать лет! Каким он стал богатым, гибким, выразительным! Значит, мы должны еще больше работать над своим языком, языком народа-героя, народа-строителя, народа-новатора!»

На съезде в Минске справедливо связали существенные недостатки белорусской литературы с отставанием критики.

Долгое время в литературной и театральной критике Белоруссии орудовала кучка буржуазных космополитов, принижавших национальную гордость белорусского народа, олицетворявших творческое наследие писателей-демократов Богумишча, Богдановича, бессмертного Янки Купалы, встречавших в стихах каждое новое произведение, пронизанное духом советского патриотизма, Партия помогла белорусским литераторам разоблачить и обезвредить этих гнилых крикунов. Теперь созданы все условия для расцвета боевой, партийной литературной критики, опирающейся на гранитный фундамент марксистско-ленинского учения. И надо пожелать, чтобы белорусские критики скорее начали действительно помогать прозаикам, поэтам и драматургам создавать произведения, достойные сталинской эпохи.

Второй съезд советских писателей Белоруссии прошел в обстановке критики и самокритики. Вместе с белорусскими товарищами в обсуждении настоящих проблем литературного развития участвовали делегация Союза советских писателей СССР, писатели Ленинграда, посланцы Украины, Грузии, Латвии и других республик, руководящие партийные и советские работники Белоруссии, стахановцы предприятий.

Нет сомнения, что результатом съезда является возросшая творческая активность литераторов Белоруссии, еще большая связь их с жизнью.

Съезд белорусских писателей — еще одно свидетельство все возрастающей роли литературы в развитии нашего общества, в мобилизации творческих сил народа на решение великих задач созидания коммунизма.

Величия и удивительная судьба белорусского народа, заслужившего любовь и уважение всех народов Советского Союза, подвигавшегося к вершинам государственного, хозяйственного и культурного творчества. Эта судьба должна быть запечатлена в произведениях подлинно народных, подлинно партийных, подлинно прекрасных. Создать такие произведения — дело чести писателей Советской Белоруссии.

850.000 человек обучились грамоте

Молдавская ССР становится республикой сплошной грамотности. Навсегда исчезает тяжелое наследие прошлого, когда часть молдавского народа, оторванная от своей родины, была лишена простых человеческих прав — на родную речь и родную письменность.

Преображенная Молдавия (бывш. Бессарабия) занимала в Европе одно из последних мест по числу грамотных. Родной язык был запрещен, а молдавские школы закрыты. Только пятнадцать процентов женщин и тридцать пять процентов мужчин умели читать и писать на родном языке.

Когда в 1940 году на правобережье Молдавии снова свободно зазвучала родная речь, впервые сели за буквы сто тысяч человек. Война превратила их в учебно-линейную грамотности в республике возобновилась только в 1944 году, после изгнания оккупантов. Теперь же Молдавская ССР становится республикой сплошной грамотности.

Министр просвещения Молдавской ССР А. Лазарев сообщил корреспонденту «Литературной газеты»:

— Мы широко использовали опыт лубков, существовавших в свое время в братских союзных республиках. Кроме учителей, на наш призыв откликнулись двадцать тысяч человек — ученые, агрономы, врачи, студенты, школьники старших классов. Многие из них брали индивидуальные шефство над неграмотными, другие вели групповые занятия. Такими методами было обучено 558.509 неграмотных и 294.382 малограмотных. Наши издательства выпустили шесть миллионов книг для чтения, методических пособий и другой литературы. На молдавском языке для малограмотных и только что обучившихся грамоте вышло специальное приложение к газете «Парналу Советик» («Советский крестьянин»).

— Ныне в группах по обучению неграмотных, — сказал в заключение А. Лазарев, — осталось менее 20 тысяч человек. К осени эти группы закончат свою работу.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 52 (2539) Среда, 29 июня 1949 г. Цена 40 коп.

Я — гражданин Советского Союза

Анна САКСЕ

Читайте, завидуйте, я — гражданин Советского Союза.

Эти гордые строки замечательного русского поэта Владимира Маяковского когда-то мы, подданные буржуазной Латвии, читали тайком. Мы действительно завидовали. Мы знали, что такие слова может произнести лишь человек, в котором советская власть воспитала достоинство гражданина.

Через нагугую запертую границу мы ощущали величественную поэзию героического труда советских рабочих.

Тридцать пять лет — половину своей жизни — я прожила в буржуазных условиях и потому отлично знаю, что значит быть подданным буржуазной страны. Именно подданным, ибо такого понятия, как гражданин, даже и не было в нашем лексиконе. А подданный — это человек без достоинства, без гражданской гордости. Какая же гордость может быть у человека, который не имеет права даже на самое элементарное — на обеспечение своей семьи, своих детей трудом своих рук, не говоря уже о такой «роскоши», как образование, как работа по призванию.

Буржуазия Латвии, превращаясь с помощью вооруженных сил английских и американских империалистов в кордон против Советского Союза, была жалким придатком империалистических держав. Они обрели ее на нищенское прозябанье, лишены ее национальной независимости. В интересах британских и американских промышленников и банкиров, промышленников Латвии остался в детских пенках, зато ее рынок был освобожден для западноевропейского и американского арзана. Десятки тысяч латвийских рабочих сполнались без работы, стояли в очередях у биржи труда; только в одной Риге зарегистрированных безработных было свыше 50.000 человек и столько же было не зарегистрированных. Матери с детьми вообще из регистрации исключались.

Безработица! При этом о том, что сердце содрогается у каждого, кто слышит мрачные дни, дни утраты, страданий и голода. Страшны буржуазных газет были злобные описаниями самоубийств целых семейств. «Причина самоубийства — трудное материальное положение», — кратко заканчивались описания. Но причиной было не только трудное материальное положение, — причиной было и то унижение, которое испытывает человек, когда он должен выпрашивать работу, как нищий подаяние, та безнадёжность, которая охватывает человека, когда каждый день ждет известия от господина работодателя:

«Вы больше не нужны, получайте расчет и уходите».

Три-четыре страницы любой буржуазной газеты полны напечатанными мелким шрифтом объявлениями, вроде:

«Молодая девушка, студентка, у которой большая мать, ищет любую честную работу».

Какое отчаяние в этих скорбных молебках: любую честную работу! А если не откликнется, если не окажут милости, то у молодой девушки остаются два выхода — самоубийство или улица.

Буржуазия всеми силами препятствовала образованию детей немущих. Но, годывая, отказывая себе в одежде, юности и девушкам кончала среднюю школу. И что же? Последний день экзаменов оказывался для них не праздником, а горькой обидой — они становились по-настоящему гражданскими работниками казначейства, и такие считались счастливыми!

Сплошь да рядом инженер ради куска хлеба становился чернорабочим.

Талантливый писатель Вилас Ланце — ныне лауреат Сталинской премии — работал портным грузником. Должность учителя даже в самом отдаленном уголке Латвии считалась равной большому выгону в летерсе.

Известна судьба поэта Зиемелынек, который работал в редакции самой распространявшейся в Латвии газеты. Издатели газеты заставляли его сочинять поздравительные стихи к именинам своих собачек и кошек. Ноот стал наркоманом и кончил жизнь самоубийством. Художники выставили картины на улице, молодые балерины выступали в кафе-пантонах, развлекались богатыми бездельниками.

В Советской Латвии растет армия стахановцев. Это люди, из которых многие имеют длительный трудовой стаж. Только теперь обнаруживаются их творческие способности, ибо раньше тот же рабочий механически выполнял свою работу у машины, не думая об ее улучшении. Раньше рабочий был рабом богатца-фабриканта, и каждое усовершенствование грозило увольнением многих, а теперь рабочий чувствует себя хозяином фабрики, хозяином страны.

Если раньше рабочий своим изобретением мог только поправить себе и товарищам, то теперь каждое новое приспособление к машине освобождает труд и освобождает руки, в которых наше государство остро нуждается, дает больше товаров всему народу. Труд стал делом чести и доблести, — это наполняет душу чувством гордости, порождает новых и новых героев труда, которые уже на несколько лет опередили время, за четыре года выполнили нормы десятка лет.

Бывшие батраки, раньше самые бесправные люди, которых не защищало даже формальное право, которые за ничтожные гроши копались на полях кулака от рассвета до темной ночи, — теперь они, свободные колхозники, выращивают на пашах родного колхоза такие урожаи, о каких раньше и ученые не смели мечтать.

В Салазилесе, на опытной станции Министерства земледелия ЛССР, мне рассказывали о златом мичуринце Уните. Давно уже с молодых лет, он занимался садоводством, всю жизнь следовал учению великого преобразователя природы, но за свои творческие дерзания был лишь вынужден сажать картошку, — теперь он, свободный колхозник, выращивает на пашах родного колхоза такие урожаи, о каких раньше и ученые не смели мечтать.

В Советском Союзе, великая партия большевиков, товарищ Сталин — самая надежная опора мира во всем мире.

Вот почему, как пароль мира, как пароль труда, радости и счастья, звучит объединяющее все переломное человечество, простое, наполненное великой мудростью, гордые слова, произносимые каждым патриотом нашей социалистической Родины: «Я — гражданин Советского Союза».

Советский Союз, великая партия большевиков, товарищ Сталин — самая надежная опора мира во всем мире.

Вот почему, как пароль мира, как пароль труда, радости и счастья, звучит объединяющее все переломное человечество, простое, наполненное великой мудростью, гордые слова, произносимые каждым патриотом нашей социалистической Родины: «Я — гражданин Советского Союза».

Максим ТАНК

МИНСКИЙ ТРАКТОР

Когда станок скороговорка Умолкла и, сказав — «пора!» — С конвейера, закончив сборку, Спустился трактор мастера,

Все от души ему желали
Больших дорог, больших работ,
Чтоб скажи про него слагали,
Чтобы любил его народ.

И вот уж трактор за дубровку,
Где песни нет, учился я,
Где с эхом дудочки сосновой
Дружила молодость моя.

Еще заречье под росом,
Но, как грачи, мальчишки вслед
За трактором босой толпой
Бегут, не глядя на запрет...

За ними — ворот нараспашку —
Идет районный агроном.
Он глубинку весенней вспашки
Проверит, стоя над плугом.

Черна, свежа земля сырая;
Как струны, борозды легли,
Рукою тронешь — занурят,
Дохнешь — и знон плывет вдали.

Об этом даже написали
Колхозники, приля на сход,
В письме, что с нарочным послали
На новый тракторный завод.

Они хвалят трактор минский
За силу острых лемехов,
В полях под Полоцком и Пинском
Благодаря мастеров.

Когда в цеху письмо читали,
Мы улыхали у станков,
Как жаворонки себетали,
Как рокотал арбной хлебоз.

Перевел с белорусского
Андрея КЛЕНОВА

Старинные карты лесных насаждений

Большой научный и практический интерес для полезащитного лесоразведения представляло недавно вышедшее в Центральном государственном военно-историческом архиве уникальные атласы, отдельные карты, планы разных губерний и уездов, топографические описания, журналы многолетних метеорологических наблюдений и т. п. Все эти документы относятся к концу XVIII — началу XX в. и содержат много ценных сведений о лесах, состоянии лесного хозяйства, физико-географических условиях тех районов европейской части СССР, где сейчас создаются государственные лесные защитные полосы.

Среди документов — атласы и планы так называемого генерального межевания 14 губерний, относящиеся к концу XVIII века. На красочных картах Слободско-Украинской (последней из Харьковской), Курской, Тульской губерний и Екатеринбургского наместничества подробно изображены существовавшие здесь лесные массивы, пахотные, сенокосные и другие угодья, овраги. В «экономических примечаниях» перечисляются породы лесов, дается их разбивка по категориям.

Собраны картографические и описательные материалы, рисующие состояние и развитие лесов в 40—50-х годах прошлого столетия от Южного Буга до Дона.

О гибели и хищническом уничтожении лесов в царской России свидетельствуют обнаруженные в архиве две карты бывшего Вугульицкого уезда. Одна из них относится к 1840 году, а другая — к 1912 году. Из сопоставления этих документов видно, что за 70 лет в этом районе лесные насаждения были почти полностью вырублены частными владельцами земли.

Собранные картографические и описательные материалы представляют для изучения рельефа, почвы, климата и других естественных условий той территории, где прелегают ныне трассы государственных защитных лесных полос.

Новый выпуск Литературного института

ДАТЬ ШКОЛЬНИКАМ УЧЕБНИКИ В СРОК!

Украина вызывает на социалистическое соревнование политграфистов, работников просвещения и книготорговли всех союзных республик

Хорошая книга — это верный спутник человека в жизни. Еще точнее это применимо к хорошему учебнику — верному спутнику наших детей, обучающихся в школе. В предстоящем учебном году у каждого ученика школы должен быть полный комплект необходимых ему учебников. Выполнить эту задачу — значит выступить по всей советской стране для предстоящего учебного года около 175 миллионов экземпляров школьных учебных книг.

Перед Министерством просвещения, полиграфическими предприятиями и Учебно-педагогическим издательством Украины правительство поставило задачу — дать школам в 1949 году 40,3 миллиона учебников, почти втрое больше, чем в прошлом году, и в полтора раза больше, чем до войны, в 1940 году.

Великую поддержку и помощь оказывают украинскому народу Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии большевиков и наше союзное правительство. Благодаря этой помощи из руин возродилось в жизни города и села, заводы и электростанции Украины. Сейчас уже успешно восстановлены уничтоженные во время вражеской оккупации книжные фабрики, типографии. Созданы, таким образом, возможности для выполнения задания правительства, для издания учебников многомиллионными тиражами.

Но задача эта не легкая. Выполнение ее требует от редакторско-издательских работников и полиграфистов большого напряжения сил, энергии, организационного умения. Обусловит это, рабочие, инженеры и техники полиграфической промышленности, работники издательства «Радзиська школа» и книжной торговли, работники Министерства просвещения УССР решили:

поставить к 1 августа, а остальные — не позднее 1 октября 1949 года.

2. Принять все меры к тому, чтобы учебники были высокого качества как по содержанию, так и по художественно-техническому оформлению и полиграфическому исполнению.

3. Сделать учебную книгу добротной, долговечной. Не меньше 21 миллиона экземпляров учебников выпустить в твердых переплетках.

4. Все изготовленные учебники завести в школы к началу учебного года, а в дальнейшем учебники завозить в школы не позднее чем через две недели после выхода учебника из свет.

5. Издательство «Радзиська школа» освоит в 1949 году 700 тысяч рублей оборотных средств. К 1 января 1950 года издательство подготовит для печати и сдаст в производство не менее 40 процентов школьных учебников из плана 1950 года.

Учтено успешно выполнять все эти обязательства, мы улучшаем организацию работы издательства и типографий; ускоряем ввод в действие новых машин; широко осуществляем рационализацию — особенно переплетно-брошюрных цехов — являющихся еще для ряда типографий узким местом; шире применяем малую механизацию трудоемких процессов; сокращаем непроизводительные расходы в издательстве и типографиях и снижаем себестоимость производства учебников. Работники издательства «Радзиська школа» участвуют в работе редакционной обработки рукописей учебников, значительно сокращают сроки прохождения рукописей в издательстве, участвуют художественно-техническое оформление учебников, привлекают к

соци. Потеря каждого дня вредит успешно выполненному школьником учебнику. А как в чем мы еще отстаем. Вот мы в программе министра просвещения РСФСР тов. А. А. Баженовской помощи в нашем соревновании: пусть Учитель РСФСР поторопится выслать нам рукописи учебника по основам дирижабля для 9-го класса, подлинные верстки для семи учебников и текстовые карты к учебнику Баранского по экономической географии для 8-го класса. Мы просим помочь нам и министерствам легкой и бушманной промышленности СССР тов. Г. М. Орлова: надо улучшить качество бумаги (особенно для обложки и форзацев), отпуская издательству «Радзиська школа» и обеспечить, чтобы заказанная издательством глазированная бумага была высшего качества, права и плотности. Министры путей сообщения РСФСР тов. В. П. Брежнев и министр сельского хозяйства СССР тов. З. А. Шапкова мы просим дать указание о том, чтобы транспорт для отгрузки бумаги и готовых школьных учебников предоставлялся беспрепятственно.

Товарищи просвещения, полиграфисты, издатели, работники книжной торговли! Шире развернем социалистическое соревнование! Обеспечим к началу года всех школьников хорошими учебниками!

Министр просвещения УССР Н. САВИЧУК, начальник Управления по делам полиграфической промышленности, издательства и книжной торговли при Совете Министров УССР П. РУДЯК, Издательство «Радзиська школа»: начальник Ф. РЫЖЕНКО, зам. главного редактора И. КОРИНЕНКО.

Типография им. Фрунзе: директор И. ПИСЬМЕННИК, печатник И. СИНЕГУБЕНКО, наборщик И. МОЛОШНИКОВ, переплетчик П. ГОРЮШКИН, 15-я Республиканская типография: директор Д. ЗАВИЛЯНСКИЙ, наборщик-переплетчик А. СЕЛЕНЕВ, печатник М. КАРПЯК, переплетчик В. БАЦ, 4-я Республиканская полиграфическая фабрика: директор Я. ТАИНОПОЛЬСКИЙ, наборщица Л. ЕРЕМЕНКО, швей-переплетчик Г. ЧИЧКО, печатник Н. ЛИТВИНЕНКО. Председатель Республиканского комитета профсоюза работников полиграфической промышленности и печати Н. МАВРОСКИЙ. Начальник Укрниготорга Н. КОВАЛЬ, Директор Укоопкультурга А. КРЕМНЕВ.

МИЧУРИНСКОЕ ОБЩЕСТВО В РАЙОНЕ

В канун весны агрономы Торжка высказали мысль, которая не могла не привлечь внимания всей нашей сельской общины. Торжковцы на страницах «Литературной газеты» предложили создать районные отделения Всесоюзного сельскохозяйственного общества.

В секретари Купалинского района партии Семену Андреевичу Жаворонкову комиссар «Литературной газеты» с предложением торжковских агрономов пришел вовремя. Секретарь района как раз вычитывал в те дни различные планы повышения урожайности купалинских земель.

Прочитав газету, секретарь района предложил себе председателя районного общества Михаила Васильевича Охлопкова с двумя старыми агрономами Михаилом Ивановичем Пискаревым и Валентином Ивановичем Ивановым. Тут же решено было созвать специалистов сельского хозяйства совместно с передовиками колхозного производства и мичуринцами-опытниками.

12 марта было созвано в Купалине собрание. Проведено оно было не совсем обычным способом. В партакбинете столы накрыли скатертями. На столах поставили кипящие самовары, чашки. И перед каждым присутствующим, рядом со скромными яствами, была папирос.

— Давайте посоветуемся, товарищи, — обратился к собравшимся секретарь района, — как нам получить в этом году тонну урожая с гектара.

Когда он сказал «тонну», старики подняли головы. Первое слово выдал колхозник из артили «Восход», опытник Сергей Михайлович Шкапов.

— Если начинать, — сказал он, — так начинать надо с обработки почвы. Ведь это ж разве пахота, когда лопать на ребор ставят. Дернина вся наверху. Эх, если сказать правду, возмывательство над полем, а не обработка.

Один за другим брали слово агрономы и колхозные вожаки. Валентин Иванович Иванов высказал свои соображения, как агрономически обеспечить желанную тонну льноволокна. Участковый агроном Михайлов вместе с бригадиром из «Переломы» Иванов Петровичем Пузыревским взялись исследовать различные способы выращивания льна.

Сидел так до темноты. Вели деловой разговор, друг у друга учились. И так это всем пришлось по сердцу, что порешили: учредить Купалинское районное отделение научного сельскохозяйственного общества и выбрать для руководства им на первое время оргкомитет. Председателем был избран старейший в районе агроном Михаил Иванович Пискарев, заместителем — Валентин Иванович Иванов, секретарем — агроном Лиза Попова.

За работу оргкомитет взялся горячо. Были выработаны основные условия существования общества, из которых следовало, что членами его могут быть все специалисты сельского хозяйства, учителя-биологи, колхозники-опытники и стахановцы.

Были определены цели и задачи общества: распространение в колхозах передового мичуринского опыта; изыскание наиболее эффективных способов агротехники и зоотехники применительно к району и отдельным колхозам; постановка научных опытов и оказание помощи в проведении их колхозникам-опытникам и колхозным хатами-лабораториями; организация в Купалине научного кабинета по сельскому хозяйству с библиотекой,глядными пособиями и лабораторным оборудованием; наконец, широкое распространение сельскохозяйственных знаний с помощью массовых лекций, выставок, экскурсий и популярных мичуринских чтений. Осталось утвердить общество в Москве, где

находился президиум правления Всесоюзного сельскохозяйственного общества.

Купалинские хотели порадовать президиум: «Вот создано, наконец, районное отделение общества, которых так мало было до сих пор на счету президиума. Просим зарегистрировать его, выслать Устав, дать научную консультацию по прилагаемому технику мичуринских опытов».

Но президиум не ответил на письмо, хотя, как известно автору этой статьи, оно дошло по назначению.

Незадолго перед пахотой несколько колхозов сразу взяли коваты предшественника для конных плугов. Мысль принадлежала Валентину Ивановичу Иванову.

14 апреля, в день второго собрания районного общества, председатель колхоза Андрей Васильевич Соколов продемонстрировал для всеобщего обозрения свой собственный предплужник. Он оказался чуть-чуть великоват, но испытанья выдержал успешно.

На этот раз члены общества заслушали два доклада: «Опыт подготовки колхоза к раннему севу» (сообщение председателя колхоза «Перелом» Александра Ивановича Слеснева) и «Опыт по внесению удобрений под лен» (докладчик тов. Иванов).

Слеснев сообщил, что сев колхоз начал в сверхранние сроки, что клеверные он будет поднимать конными плугами, вот с такими же, как у Андрея Васильевича, предплужниками, и заделывать вместо борон волокушей, как советовал покойный Вильям. Подборку посевов он произвел на большой площади и разными дозами для выяснения лучшей нормы. Неясным для него остается вопрос: можно ли бороновать озимые, если всходы клевера по ним еще очень слабые.

У второго докладчика неясных вопросов оказалось еще больше и особенно в нормативах внесения различных удобрений. Институт льна, который находится в Торжке, рекомендует, допустим, 4 центнера фосфорных удобрений на гектар. Заменяют украинская звенивская Дедювская внесла до 12 центнеров.

Для ответа на эти вопросы оргкомитет пригласил представителя института. Но, увы, и тут купалинцев постигло горькое разочарование. Из Торжка до Купалина ближе, чем из Москвы, и все-таки на собрание никто не приехал.

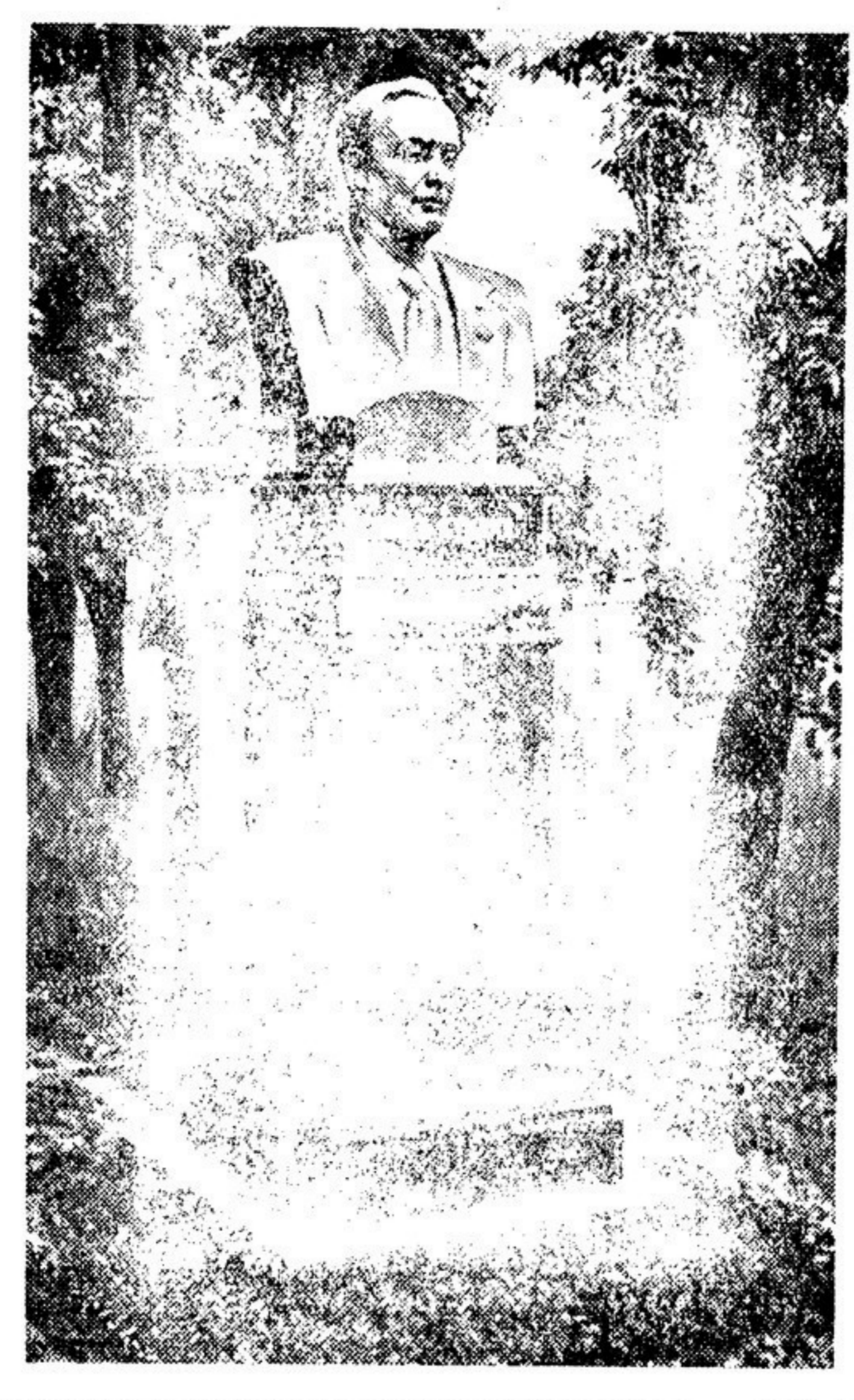
Купалинцы решили собственными силами устанавливать научные истины. Теперь уже заложены по инициативе общества десятки агротехнических опытов на колхозных полях. В 42 колхозах ведутся исследования почвы на плотность. Общество поставило своей целью произвести в этом году высева местных залегающих известий и мергеля, о существовании которых рассказали старики. А известование требуется купалинским почвам просто, как воздух.

Много еще больших и полезных дел замыслили купалинские агрономы и колхозные новаторы.

Я был недоволен у купалинцев. Я хотел по полям семеня, где председатель общества агроном Пискарев выращивает семена многолетних трав и где заложил опыты на старости лет свои первые научные опыты. Я видел чудесные всходы льна на участке комсомолки Лиды Кольковой, которая в сотрудничестве с агрономом-большаком Ивановым борется за тонну льноволокна. В «Трудовые» мне рассказали про лекцию «Мичуринская агроботаника», прочитанную колхозным агрономом при общем стечении всех жителей Заставля. В «Светлом пути» агроном Михайлов начал тимирязевские чтения.

Да, товарищи агрономы! Купалинцы начали большое дело. Мысль, возникшая в Торжке, пошла на хорошую почву.

С. Б. КУШАЛИНО,
Калининской области.

Белорусский народ воздвиг памятник своему любимому поэту, выдающемуся деятелю советской литературы Янке Купале. Памятник — бронзовый бюст на мраморном постаменте — установлен в центральном сквере Минска.

Участники Второго съезда писателей Белоруссии, гости из Москвы и из союзных республик, тысячи минчан собрались на открытие памятника.

На снимке: памятник Янке Купале в Минске.

Фото В. ЛУПЧЕКО (ТАСС).

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Приказ не выполнен...

Можно с уверенностью сказать, что ни одна школа в Советском Союзе не находится в таком тяжелом положении, как железнодорожная средняя школа № 28 в Кургане.

В тесных классах этой школы в три смены занимается более 1200 учеников. Вестиюля в школе нет. Осенью — в дождь, и зимой — в стужу ребята ожидают на улице, пока смена кончит занятия.

Но это полбеды. Хуже то, что здание школы обветшало. Многочисленные комиссии в своих актах писали, что школу надо закрыть, так как крыша, потолки, стены — все здесь держится на дополнительных балках и подпорках. Теперь в каждом классе имеется не менее четырех подпорок, а в спортзале — 18 подпорок. В школе не разрешается проводить массовые игры и споры.

Начало занятий в школе в 7 ч. 30 м. утра, конец — в 7 ч. 30 м. вечера. Перемены между уроками 5 минут. Комнаты, конечно, не успевают проветривать!

Начальник Южно-Уральской железной дороги тов. Ямович 7 марта этого года подписал приказ о немедленном прекращении занятий в школе, и, как видно, счел свою миссию оконченной.

В следующем учебном году в этой школе должны учиться 1400 детей курганских железнодорожников. Где же разместят школьников?

Правда, заместитель министра путей сообщения тов. Кузнецов обаял тов. Ямовича выехать в Курган для решения дела на месте. Однако распоряжение заместителя министра пошло в воздух. Тов. Ямович в Курган не едет.

Но пора ли решить этот вопрос: или немедленно освободить бывшее здание школы и предоставить его школьникам или немедленно построить новое. Иначе через два месяца дети снова придут к порогу полуразвалившегося дома.

Л. САДОВСКИЙ, О. ЛИМАРЬ,
сотрудники газеты «Красный Курган»
КУРГАН

Помочь сельскому строителю!

В статье «Зодчие колхозного села», напечатанной в «Литературной газете», писатель П. Замойский поднял чрезвычайно важный вопрос, от правильного разрешения которого зависит дальнейшее развитие сельского хозяйства колхоза, — вопрос о строительстве красивых и прочных производственных и культурно-бытовых зданий. Фундаментальное строительство в колхозах сейчас тормозится из-за острой нехватки квалифицированных мастеров, способных возглавить эту работу, организовать производство местных строительных материалов.

Как обстоит дело с подготовкой кадров сельских строителей в Казахстане?

В. С. Талтар Алма-Атинской области имеется одногодичная республиканская школа по подготовке десятников-строителей. Но набор в эту школу происходит са-

мотеком. Из 68 учащихся только 3 являются колхозниками. Выпуск десятников производится не к весне, а в октябре месяце.

Школа испытывает острую нужду в специальной литературе и учебных пособиях.

Существующие школы для подготовки колхозных строителей не используются до сих пор сколько-нибудь серьезным вниманием Министерства сельского хозяйства. Этим, видимо, объясняется и отсутствие учебной литературы, к созданию которой можно было бы привлечь наших высококвалифицированных инженеров-строителей и других специалистов.

И. ВОЛКОВ,
заместитель представителя Совета по делам колхозов при Правительстве СССР по Алма-Атинской области.

Николаю Асееву

Дорогой Николай Николаевич!

Правление Союза советских писателей СССР от всей души поздравляет Вас в день Вашего шестидесятилетия, совпадающий с сорокалетием Вашей славной поэтической деятельности.

Вступив на литературную дорогу еще в революционные годы, Вы, после победы Великой Октябрьской социалистической революции, отдали все свои творческие силы, чудесный талант и большое поэтическое мастерство делу служения советскому народу. В годы гражданской войны Вы создали боевую песню о коннице Буденного, ставшую одной из самых популярных песен нашего народа. Патриотической любовью к новой советской Родине дышат все Ваши революционные стихи.

Советские читатели знают и ценят Вас как одного из зачатей советской поэзии, поэта-новатора, боевого соратника Владимира Маяковского.

В ряду лучших произведений советской поэзии остаются Ваши стихи и поэмы, воспевающие молодость наших людей, их веру в будущее, преданность партии Ленина-Сталина.

Советский народ и правительство высоко оценили Ваши заслуги — на Вашей

грудь орден Ленина. Ваша поэма «Маяковский начинается» удостоена Сталинской премии первой степени.

Много труда положили Вы, отдавая Ваш талант делу ознакомления русских читателей с поэзией славянских народов, с произведениями поэтов братских республик. Ваши переводы стихов Тараса Шевченко, стихотворений Адама Мицкевича и его поэмы «Конрад Валленродт», драмы польского классика Яна Райниса «Вей, ветерок», стихов чешского поэта Эрбена могут служить образцами высокохудожественного поэтического перевода.

Дорогой Николай Николаевич! Ваша многогранная литературная и литературно-общественная деятельность, Ваше служение вдохновенным поэтическим словом социалистической Родине и советскому народу вызывает чувство самой искренней признательности.

Приветствуя Вас, мы горячо желаем Вам здоровья, творческих сил и новых творческих успехов еще на многие годы.

А. ФАДЕЕВ, К. СИМОНОВ, А. СУРОНОВ, В. ВИШНЕВСКИЙ, А. СУРКОВ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ТИХОНОВ, В. КОЖЕВНИКОВ, Ф. ПАНФЕРОВ и др.

Слово приветия

На заре нашей советской литературы зазвучал и окреп лирический звонкий голос поэта Николая Асеева.

Снабженная встреча с В. Маяковским, вылившаяся в великодушную, долгую, радостную дружбу, озарила молодого Николая Асеева живым огнем политической страстности, непримиримости к темному царству старого мира.

Перелеты страны газет и журналов того времени, то и дело встречаешь горячие стихи и боевые лозунги Н. Асеева. Забодневный, целеустремленный стих Николая Асеева славит молодого строителя Советской республики, вдохновляет и бодрит красноармейца, зовет его на бой с врагами советской власти, метко разит притянувшегося саботажника и лодыря, кудака и палача, шаурника и льдыря.

Могучим отзвуком первых лет пролетарской революции гремит в наши дни «Марш Буденного»:

С неба полуденного
жара не подступил,
конная Буденного
раскинулась в степи...

Стало девизом, почти пословицей, железное четверостишие марша:

Нико пути пройденного
назад не обернет,
конная Буденного,
армия — вперед!

Заслуженно стоит в ряду лучших образцов советской поэзии поэма «Двадцать шесть», написанная Н. Асеевым в 1925 году. В этой поэме Асееву удалось с исключительной поэтической силой сказать свое гневное, вдохновенное слово о трагической гибели двадцати шести баккинских комиссаров:

Темен Баку,
дымен Баку,
Отчаяние.
Ночь.

Решетка у лба
и пуля в боку —
для тех,
кто не скрыл гнев.

В поэме «Семен Проскакков», построенной на фактическом документальном материале, поэт выразил безграничную любовь к рядовому бойцу революции, восхищение его подвигом во имя торжества правды на земле. Сколько естественности, достоверности в этой поэме, каким сердечным и обязательным предстает в ней простой, мужественный партизан-сибиряк Семен Проскакков!

За долгие годы своей творческой работы Н. Асеев прошел сложный путь развития. Были на этом пути и отдельные ошибки, срывы, но присущая поэту любовь к Родине, к революции всегда помогала ему мужественно преодолевать заблуждения.

Особое место в творчестве Николая Асеева занимает поэма «Маяковский начинается».

Насыщенная фактами огненной биографии лучшего, талантливейшего поэта сталинской эпохи, согретая личными, незабвенными воспоминаниями, поэма эта образно и ярко раскрывает горячее сердце Маяковского, характер дорогого каждому советскому человеку поэта.

Такой у него был огромный путь, такой ширин шаг, — что слышать его, на него взглянуть сбегались друзья и врага.

По заслугам оцененная читателями и отмеченная Сталинской премией, поэма «Маяковский начинается» является первым вкладом в нашу отечественную поэзию.

В стихах последних лет Николай Асеев неустанно и страстно воспекает победы Советской Армии и тружеников тыла.

Асеев дорог советскому читателю как лирик и публицист, как неутомимый певец советского уклада жизни, друг всего нового, враг косности и отсталости.

В день шестидесятилетия Николая Николаевича Асеева, нашего соотечественника и товарища, увеличенного за свои труды высоким званием лауреата Сталинской премии, награжденного высшей наградой страны — орденом Ленина, пожелаем ему бодрости и больших успехов.

Сергей ВАСИЛЬЕВ

НОВЫЕ ЛЮДИ В НОВОЙ СТЕПИ

Вера СМЕРНОВА

У шофера Андрея Емельянова умерла жена. Остался десятилетний сын Сережа, единственный ребенок, тихий городской мальчик, обласканный и взлелеянный матерью. Хорошая, дружная семья расстроилась. Отцу предложили вчерашней отпуском, сына хотели устроить в пионерский лагерь, но отец и сын не могли расстаться в такой трудный для них час.

Это было лето, в середине июля. В это время гараж, где работал Емельянов, предложили продать пять грузиников с водителями на уборку урожая в степные колхозы. Шофер Емельянов вылезался вести колдону и взял с собой сына. «Покажи мы с тобой, новых людей поведем, урожай порадуетесь. Ничего, брат, урожай замечательный, радость людям», — сказал отец Сереже.

Так мужественно хотят они изыскать свое горе. Их путешествие с южного берега Крыма, через горы в степь — к Перекопу, их участие — обоим, и Андрея и Сережи, — в уборочной в степных колхозах, их встречи с новыми людьми показаны П. Павленко в его новой повести «Степное солнце».

Эта небольшая повесть — одно из самых ярких произведений, появившихся в наших журналах в текущем году, и «на весах у муз» она, несомненно, «товом премоногих тяжелей». Тема новой социалистической деревни решена в повести П. Павленко интересно и ново. В «Степном солнце» мы видим индустриальную деревню, видим машину в поле, чувствуем новый, напряженный темп деревенской жизни, конкретные проявления того процесса стирания грани между городом и деревней, который так ясно говорит о близости коммунизма.

Именно здесь, в степи, всегда бывшей олицетворением пустынного простора, — и герои повести и читатель вместе с ними попадают в такой водоворот, в такой кипучий бой боевой лагерь, что всем становится горячо, и, кажется, все кипит вокруг, как самый воздух в степи в полдень.

П. Павленко, «Степное солнце», «Знамя» № 4, 1949.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА
2

ботающе и по-новому живущие, — вот кем любуются, на кого радуется автор «Степного солнца». Когда Сережа, возвращаясь с комбайна, заблудился в степи, он видит, что степь полна людей. То он попадает на огонек к «городским», которые, очевидно, приехали из города помогать на уборке и тоже не спят, а требуют, чтобы им «выделили, чего почитать?»; то он видит, как при свете «летучей мыши» по полям летают камеры; то председатель Наталья Ивановна беседует с лобогрейщиками и вездесущий комсорг слушает ее, оперируя на восточном. «Удивительное дело, куда бы он теперь ни взглянул, всюду мерцают огни. Как он не замечал их раньше!»

Эти ночные огоньки в степи удивительно меняют весь ее облик не только для Сережи — они делают ее обжитой и какой-то родной и светлой и для читателя. Неважно, — хотя так оно было, несомненно, желание и самого автора, — мы вспоминаем иную степь, иные, не такие уж давние времена, иные книги.

«...Загорелые холмы, буро-зеленые, вдали лавовые, со своими южными, как степь, тонами, равнина с туманной далью и опрокинутое над ними небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется странно глубоким и прозрачным, представлялось теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски... Как душно и уныло! Брычка бежит, а Егорунка видит все одно и то же — небо, равнину, холмы... Над поблекшей травой, от нечего делать, посятся грани; все они похожи друг на друга и делают степь еще более однообразной. Летит коршун над самой землей, плавно вымахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о сужие жизни, потом встряхивая крыльями и стремлюсь неслетая над степью, и непонятно, зачем он летит и что ему нужно... А вот на холме показывается одинокий тополь: кто его посадил и зачем он здесь — бог его знает... Счастлив ли этот красавец? Летом этой, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беснутого, сердито воющего ветра, а главное — всю жизнь один, один...»

Такой представляется степь другому русскому мальчику, тоже лет десяти, тоже городского и тоже сироте — Егоршке в повести Чехова «Степь». И люди, возникающие перед ним по дороге, углубляют впечатление застоя и неопытности жизни, беспечности существования. Даже случайный «счастливый человек», как один-единственный тополь в степи, только вызывает смутное томление и жалость. Степь у Чехова — как огромная, широкая, большая дорога, дорога жизни, по которой идут куда-то разные люди, хорошие и плохие, удачливые и неудачливые, случайные попутчики, кому-то подчиненные. Степь у Чехова тоскует о счастье, и вместе с ней сама Родина протестует против застоя, вернется к будущему.

П. Павленко увлекает своих героев проделав путь, если не тот же самый, что проделал чеховский Егоршка, то, во всяком случае, похожий. И он приглашает нас убедиться сразу, что и степь не та, и люди не те, и жизнь совсем не та. Недаром водители машин автоколдону, с которой едет Сережа, заранее предвидели, что «там, в степных колхозах, куда они направляются, нищенский урожай скушать не дадут». С первого же дня в степи Сережа и отец его разлучаются, но скучать им не приходится, — кипучая, боевая и вместе с тем организованная и четкая, как в армии, как на заводе, степная жизнь властно захватывает обоих, не оставляя места для тоски и вызывая толькую жажду поделиться всем увиденным, испытанным, сделанным. «Мама, миллион колхозная героиня, «взявшая по сто тридцать пять центнеров», и кокетливая ровненькая Сережи — Зина Чумакова, у которой тысячи лет: «схата вся чиста на мне: и в курани я, и в готовой я... а тут еще черкасовские движение навалилось... а тут еще пионерская организация, будьте любезны, на уборку колосков вызывается». Эта маленькая хозяйка большого мира, явно гордая своими «папузками», своей незаменимостью, стремится вовлечь в круг этих занятий и нового мальчика. То же делает и пионерский командир Яшка

Бабенчиков. Первая их забота, — чтобы приезжий мальчик не остался в стороне от общего дела. Правда, они даже пересудествовали в этом стремлении «приобщить Сережу к коллективу», — ему с непривычки становится плохо на жаре в поле, и Зина Чумаковой приходится «принимать меры», купать его в ставке, кормить замечательными яблоками и давать отчет товарищу Семенову из райкома комсомола. Заботы о Сереже разделяют и врослые — и товарищ Семенов, и колхозный сторож тетя Нюся, и знакомые водители, и тетя Саша, которая и помыла, и накормила его, и выстрадала ему одежку, а когда ночью у него заболели зубы, взяла его, как мать, к себе в постель, пригнала, убоялась, как маленького... И, наконец, товарищ Тушков, секретарь райкома, у которого была судивительная и во всем понятная Сергея профессия и с которым Сергей встретился впервые во время «черной бури», не устал отвечать мальчику на тысячи его вопросов: это от чего Сергей узнал, «что степи скоро не будет, что ее перерогатят садами, и тогда никакой сухой не будет опасен людям».

Степь переменялась оттого, что другими стали люди. Даже дети стали другими. «Вот, смотрите, невелики человечка, а ведь какая от них богатая помощь делу! У любого из них на самом себе не смеяно», — говорит полевой комсомолец о колхозных мальчиках. И те «всею нарядными, голосистых и очень деловитых девочек в светлых платочках с бантами в косичках», выделенных Сереже в бригаду на укладку гряд из колхозного сада. — это «человечки с городским опытом».

Степь переменялась оттого, что другими стали люди. Даже дети стали другими. «Вот, смотрите, невелики человечка, а ведь какая от них богатая помощь делу! У любого из них на самом себе не смеяно», — говорит полевой комсомолец о колхозных мальчиках. И те «всею нарядными, голосистых и очень деловитых девочек в светлых платочках с бантами в косичках», выделенных Сереже в бригаду на укладку гряд из колхозного сада. — это «человечки с городским опытом».

Нельзя П. Павленко рассказывает о больших и важных вещах, о всей нашей жизни, во в центре ее поставлены дети, главный ее герой — маленький Сережа; его глазами заставляет нас видеть многое автор, его мысли и чувства передает нам в первую очередь. Писатель с удивитель-

ным мастерством и необычайно тонким пониманием мельчайших душевных движений этого «невеликого человечка», с всею усмешкой, с юмором повествует нам о его маленьких бедах и больших радостях в степи. Глубокая, настоящая откровенность, мужественная нежность вложена в эту маленькую повесть, и эта нежность с первых же страниц передается читателю. Начиная с первого разговора Сережи с отцом в машине и потом в редких ночных встречах, в немолчаливых их реках чувствуется их взаимная любовь и дружба, настоящие замечательные мужские отношения. «—Я тебе очень много должен рассказать, пап, — прижавшись к отцу, сказал Сережа. — И чего только не делаю! Я даже бригадиром был...» — «А я про тебе, знаешь, соскучился... Кого на прощание, где мой-то, — говорит, где-то шагает, командует чем-то...», — в этих немолчаливых простых словах Емельянова — и застенчивая нежность, и тревога, и гордость за сына.

Писателям, пишущим о детях и для детей, есть чему поучиться у автора «Степного солнца»: и знанию ребенка, и воспитательскому чутью, и свободному, непринужденному включению ребят в большой круг жизни взрослых, а самое главное — в тот мужественный разговор, без сентиментальности и прихорашивания, как товарищ с товарищем, человек с человеком.

Один только упрек можно сделать автору: Сережа кажется младше своих десяти лет, и чувствуется, что в городе его мама водила за ручку. Именно потому, что его «городской опыт» так беден, все в степи кажется ему смелее и значительнее, чем в городе. Этим и объясняется тот невольный отскок предположения степи городу, который есть в повести.

П. Павленко с необычайной зоркостью сумел определить и увидеть в жизни сегодняшней советской деревни самое важное и самое переломное. Он дал картину удивительно яркую и сильную по краскам, по перспективе, по эмоциональному звучанию. Он сделал это с той свободой, легкостью и с тем блеском, которые характерны для большого художника. Он смело противопоставил эту новую, советскую степь — степь человеческой, зная, что имеет на это право. Повесть «Степное солнце» — настоящая радость для больших и маленьких читателей.

Порочный курс финских правителей

Досрочное освобождение из тюрьмы за «примерное поведение» финских военных преступников — Таннера, Линкюмеса, Кивимяки, Рангеля вызвало справедливое негодование самых широких слоев населения Финляндии. Демократическая печать, знакомая с закулисной стороной этой «гуманной акции» финских правителей, высказала вполне обоснованное возмущение, что столь великодушное отпущение грехов Таннеру и его ближайшим подручным-единомышленникам есть лишь первый шаг на пути полной амнистии финских военных преступников и всей политики, проводившей ими в 1939—1944 гг.

Не так давно, выступая в Тампере, господин Фагерхольм с лагранжевым удивлением высказывался по поводу тех, кто утверждает, что Таннер и его соратники продираются к власти. Больше того, по заявлению Фагерхольма, Таннер вообще после своего освобождения «не принимал участия в политике».

Однако действия хельсинкских правителей по «обелению» самых черных финских военных преступников разоблачают и это фарисейское заявление Фагерхольма. Досрочное освобождение Таннера и его сподвижников было лишь эпизодом в той серии вызывающих провокаций, которыми теперь так богата политическая жизнь Финляндии.

Таннер, едва отряхнув тюремную пыль со своих ботинок, стал официально членом правления весьма мощной хозяйственной организации в Финляндии — «Эланго». Рашель пока что уютно усажен в кресле члена международного комитета по устройству олимпиады. Линкюмеса и Кивимяки снова, как и прежде, воспитывают финскую университетскую молодежь с профессорской кафедры. За досрочным освобождением этих военных преступников последовало и формальное их помилование.

Восстановив с легкостью необыкновенной Таннера в политических правах, его оруженосцы бросили новый вызов обществу по месту страны. Из сравнительно скромного укрытия, каким была должность члена правления «Эланго», они продирались на пост президента этой организации.

Реакционная печать демонстративно поднимает на щит фашистскую деятельность этих господ. Если поверить органу коалиционной партии «Амулеттия», то они, оказывается, действовали «во имя бога родины», когда вернули Финляндию в войну на стороне гитлеровской Германии против Советского Союза.

Венцом всего откровенно антидемократического курса, прямо противоречащего мировому договору с СССР, было освобождение от тюремного наказания бывшего президента республиканской Финляндии более трех лет назад, 21 февраля 1946 года, Рюти был осужден на 10 лет. Следует подчеркнуть, что его заключение носило характер чисто символический, поскольку он все время находился в тюремной больнице. Теперь, когда заочные вехи нововведенной финской политики требуют реальных демонстраций против мирового договора с СССР, всякая символика отброшена. Досрочным освобождением Рюти финское правительство вновь заявило о своем намерении и о своей готовности «нормализовать» отношения с так называемым «Западным миром». «Атлантическая группа» финских политиков, возглавляемая Фагерхольмом, получила, таким образом,

достоинство подкрепление в лице английского сора и личного друга Гитлера — Ристо Рюти.

Для оправдания своего «мягкосердия» правящие круги Финляндии ссылаются на плохое здоровье Рюти. Но «плохое здоровье» уже стало профессиональной особенностью всех крупных военных преступников.

Освобождая Рюти, правящие круги, очевидно, считают, что и он действует «во имя блага Финляндии», когда 27 июня 1944 года, накануне полного краха гитлеровской Германии, подписал с Риббентропом договор, содержащий обязательство — воевать против СССР до последнего финского солдата. Не потому ли Рюти слышит среди реваншистов таким же «патриотом», как Таннер и Линкюмеса?

Подставив паруса полному ветру, финская реакция усердно рекламирует в своей печати последние новинки американской «холодной войны»; таким путем она пытается психологически подготовить население к мысли о том, что при поддержке американского империализма удастся вновь вступить на тот самый антисоветский и антидемократический путь, какой был проложен Таннером и Рюти 30 лет назад.

В самом деле, можно ли искренне стремиться к дружбе с СССР и не реагировать на наглые заявления финского издания разгневанного американского «Ридера дайджест» о том, что воздушный флот США намерен действовать против Советского Союза с аэродромов и авианосцев, расположенных в некоторой близости от СССР? Кто поверит также в наивность «Хельсинки самюта», когда она с невинным видом утверждает, будто «производство реактивных двигателей к самолетам не противоречит мирному договору»? Наконец, как следует распениться, скажем, отказ от ранее практикованной рассылки газетам ежедневных оборотов советского радио, содержащих комментарии к событиям текущей жизни в Финляндии, под предлогом отсутствия средств? Видимо, финские правящие круги значительно более заинтересованы сейчас в популяризации клеветнических вымыслов «Ридера дайджест», чем в доведении до широких масс точки зрения советских обозревателей.

Во все органы реакционной финской печати считают даже необходимым скрывать свои реваншистские планы. Так, «Амулеттия» без всяких обиняков заявляет, что статья 9 мирового договора между СССР и Финляндией, предусматривающую наказание военных преступников, вообще следовало бы отменить, поскольку она, дескать, устарела. От досрочного освобождения военных преступников к их политическому оправданию и далее — к передаче власти виновникам двух национальных катастроф Финляндии — таков порочный курс политики финских правых социал-демократов.

Сам Фагерхольм, как сообщает «Хельсинки самюта», не делает секрета из того, что действует по приказам «Эланго» и что помилование главных виновников войны есть одно из условий получения долларового займа, иначе говоря, финансового заката Финляндии магнатами США. Неполная аргументация в устах премьер-министра, еще совсем не-

давно заверявшего в неизменности своих стремлений к дружественным отношениям с СССР и в полной непричастности Финляндии к атлантическому блоку!

Ориентация правящей верхушки на «атлантическую систему», провокационное продвижение военных преступников к власти, антинародная экономическая политика правительства, вызвавшая прогрессирующий рост безработицы и снижение зарплат и поставившая страну перед перспективой экономического краха, перенесли чашу терпения финской общественности.

Большинство финансовой комиссии сейма решило при обсуждении дополнительного бюджета вынести правительству порицание, то-есть вотум недоверия.

Но Фагерхольму бросила «спасательный круг» коалиционная партия. В самой финансовой комиссии коалиционеры активно выступали за порицание правительства, тайные надежды, что в результате смены правительства к власти придет настоящие хозяева Фагерхольма — все эти рюти, линкюмеса и таннери.

В этот момент выявилась новая «особенность» возможности образования правительства из представителей демократических партий. Коалиционеры забыли обтой. В роли ангела-хранителя «работы» правительства выступили представители «двадцати семейств», крупные лесовладельцы и торговцы из шведской «народной» партии. По совету так называемых «кляузных сил» и проамериканской агентуры в соседней Швеции, финская реакция решила сохранить социал-демократическое правительство в власти. Была выработана новая гуттаперчевая формула порицания, позволившая друзьям Рюти и Рангеля, Линкюмеса и Таннера совместными усилиями добиться для правительства большинство в два голоса и таким образом оставить его у власти. Фагерхольм отделился и из сейма лишь испугом, после чего пообещал оказывать еще большее послушание своим покровителям из лагеря англо-американской агентуры.

Широкие массы финского народа усиленно свое сопротивление опасной политической игре правых социал-демократов, прекрасно понимая, что восстановленный с почетом в правах Таннер теперь полностью контролирует действия своего приказчика Фагерхольма. На происходящих в стране массовых митингах и собраниях трудящиеся выносят резолюции протеста против политики Фагерхольма—Таннера, противоречащей мирному договору с СССР и конституции страны. Так, например, трудящиеся г. Вага послали недавно президенту Наасикину телеграмму, резко осуждающую антинародные действия правительства Фагерхольма. Как подчеркивает «Гюоксан самюта», долг всех прогрессивных сил, борющихся в стране за мир и демократию, — всемерно и активно противодействовать нынешнему курсу внешней политики Финляндии.

Финский народ не случайно стал на путь дружбы и добрососедских отношений с Советским Союзом, который неизменно отстаивал право Финляндии на действительное независимое существование. И никакие интриги реваншистских кругов и их зарубежных покровителей не заставят финский народ свернуть с этого пути, гарантирующего ему спокойный труд, национальный суверенитет и безопасность.

Силы мира в Финляндии, как и во всем мире, намного превосходят силы сторонников войны!

Валериан АРЦИМОВИЧ

Заметки о современной польской прозе

Бурный поток новой жизни в современной демократической Польше принес польским литераторам широкие возможности для творчества, но в то же время народ предъявил к ним высокие требования.

Передовые польские писатели, посвятившие свои произведения тем же вопросам национальной борьбы за построение социалистического государства, сразу же снискали признание массового читателя. О удовлетворенном была встречена польской общественностью книга Людвика Рудницкого «Старое и новое», получившая первую после войны государственную литературную премию, как самое выдающееся произведение 1948 года.

В «Старом и новом», произведении автобиографическом, читатель знакомится с героем — автором повести — с дней его детства, проведенного в маленьком городке близ Лодзи. Воспитывается он в бедной католической семье, обучается столярному ремеслу, чтобы потом очутиться в качестве подмастерья на одной из лодзинских текстильных фабрик.

Просто, правдиво пишет Л. Рудницкий о прошлом Лодзи, то и дело переживая моменты в сроднивший день. Когда, рассказывая о тяжелых условиях труда на фабрике Гейндля и Кунтигера в Видзеве, писатель сравнивает старый мрачный мир с условиями жизни рабочей семьи в нынешней Польше, перед читателем возникает грандиозная по своей значимости картина побед народной демократии.

Мыслью о победе народа жили и в те отдаленные дни лучшие люди Польши. Уже тогда один из персонажей повести, рабочий Ленцкий, говорит: «Когда фабрика будет нашей, мы уничтожим и пыль и прохот — мы это сделаем сумею», — и улыбается на полуметный вопрос молодого тогда автора, считавшего, что это насмешка, что рабочие могут стать хозяевами.

Но вот Л. Рудницкий знакомится с социализмом и постепенно отрешается от влияния католицизма, которым был подвержен с детства. На смену этим влияниям приходят новые идеи — идеи экономической и политической борьбы. Мы видим Рудницкого за книгой, в частности за изданием «Манифеста Коммунистической партии», встречаем его на «протестах», где обсуждаются серьезные вопросы

партийной политики, разногласия между революционным и социал-либеральным направлениями, и расстается с ним на время в калун 1905 года, когда он уже находится в рядах социал-демократов Польши и Литвы, будущих польских коммунистов.

Теперь это уже партийный агитатор и организатор, познавший трудности борьбы и уверенный в грядущей победе. Он гневно бросает в лицо изгоящим его с фабрики капиталистам:

«Скоро вы полетите ко всем чертям! А я сюда вернусь».

Первая часть «Старого и нового» заканчивается простыми, но много говорящими строками:

«Я ждал возвращения сорок три года, нет, не просто ждал, тяжелым трудом завоевывали мы позицию за позицией».

Этому тяжелому труду революционера-профессионала посвящена вторая часть книги, на которой в настоящее время работает Людвик Рудницкий. Он остро критикует в ней социал-либералов за предрасчетную роль, какую они сыграли в дни Великой Октябрьской революции, что позволило Шилдускому установить в Польше фашистскую диктатуру.

Но лучшие сыны Польши продолжали борьбу, собирали, втягивали в нее новые силы, воспитывали новые кадры. В одном из провинциальных городов Польши возникла в то время газета «Действительность», история издания которой послужила Юрию Путраменту темой для одноименного романа, изданного не так давно и в переводе на русский язык. Роман «Действительность» рассказывает о событиях, которые происходили в годы предшествующей второй мировой войне, и отражает борьбу польской демократической молодежи против политического курса, проводившегося в жизнь шилдускикам.

На первый взгляд может показаться, что описываемые Ю. Путраментом события — создание небольшой революционной газеты, трудности ее издания и, наконец, судебный процесс, организованный мест-

ными фашистскими властями над ее работниками, — слишком незначительны, чтобы по ним можно было судить о целой политической эпохе.

Однако это не так. Писатель убедительно нарисовал картину роста сил демократического лагеря, процесс преодоления отдельных представителями молодежи социал-либеральных колебаний.

Особенно ценно то, что в романе «Действительность» громко прозвучал голос польских демократов, не переставших призывать к свержению режима Пилсудского — Бека, к сплочению сил рабочего класса для борьбы против фашистской политики, за новую, подлинно свободную Польшу.

Роман «Действительность» не свободен от ряда существенных недостатков. В нем слабо раскрыт образ рабочего-коммуниста Баранецкого; не оправдывает себя попытка «очеловеченья» следователя Азмаго — «сена по делам коммунистов»; роман несколько разнотен, порой речь героев строка за строком. Передовая социальная критика указала автору на эти недостатки, отметив в то же время, что в целом роман верно отражает польскую довоенную действительность и является произведением, устремленным в будущее, к сегодняшним дням Польши.

Повесть на актуальную тему — борьба строящегося нового мира народа против реакции — написал Юрий Анджеевский, дебютировавший после войны интересной книгой «Страстная неделя». В Варшаве времен оккупации. Повесть вышла из печати в прошлом году под названием «Пепел и алмаз». Редакция литературного журнала «Возрождение» присудила ей свою премию.

Однако, мнения некоторых литературных критиков и читателей, позаконившихся с повестью «Пепел и алмаз», разошлись.

Критика главное впечатление обратила на формальные стороны писательского мастерства Анджеевского и признала повесть

Чикагские пейзажи

Чудно человеку в Чикаго! В. Малковский.

«Всю ночь фашистские самолеты бомбили город. К утру от него остались только руины»...

Такая мысль возникает у вас при взгляде на помещенный здесь снимок.

Но дома эти — жилища, а город Чикаго никогда не подвергался бомбежке. И удивительно даже не то, что журнал «Лук», откуда взят снимок, с восторгом описывает великолепные обложки, фонтаны, тенистые парки и мляжи буржуазных кварталов и тут же, рядом, с циничным равнодушием сообщает о «тянувшихся через весь город страшных трубах» общей протяженностью в тридцать квадратных миль. Более поразительна связующая в этих словах деловитая и твердая уверенность в том, что дома эти не только не будут снесены и на их месте не будут построены более удобные жилища, но и в том, что трубы эти не будут ни демонтированы, ни восстановлены.

В самом деле: ведь они и так засеяны, ведь они и так приносят доход. Зачем же проявлять беспокойство или заботу о людях, их населяющих?

О чем думает этот человек (снимок справа), превративший на минуту свой несложный «обед» и грустно озвучивший свои «взвешивания»? У него, возможно, уже не осталось денег на то, чтобы оплатить аренду пяти квадратных метров даже в трубах. И он тайно мечтает о кровавом ладе головы, о пине для семьи...

«Пройдетесь по улицам с полуразрушенными домами, по переулкам, где не убирают мусор, по слабо освещенным районам с ветхими деревянными, полными клопов домами, которые служат жилищами для людей. Чикаго много лет новинки в пребрежении к простым людям, к человеческому достоинству», — так на одну минуту проговаривается журнал «Лук», чтобы вновь перейти к захлебывающимся описаниям Чикаго.

В самом центре «полосы трубок» лежит чикагский Гарлем—Бронзвилл. Триста двадцать пять тысяч негров живут в условиях исключительной скученности в районе, занимающем семь миль в длину и две миль в ширину. Жилых и школьных помещений, водопровода и канализации здесь едва хватает на две трети населения. Смертность в Бронзвилле в пять раз выше, чем среди белого населения Чикаго.

Выйши мэр города Джозеф Финерти покинул свой пост, приобрел приличное

состояние, оценивающееся более чем в три миллиона долларов, две яхты, две виллы, самолет. Все это лишь после пяти лет работы на посту, который принес ему официально каких-нибудь восемь тысяч долларов в год! Честным путем не приобрести, конечно, такого состояния, даже если прожвешь Мафусаилов век.

Одна из двух вилл Финерти находится в пригороде Чикаго — небольшом городке Гери. Но не этим, разумеется, знаменит Гери. Нет, он славится даже в Чикаго, известном в качестве «столицы гангстеризма», бурным ростом преступности. Несколько лет назад, когда «хозяева преступного мира» приступили к организации своего бизнеса в Гери, число огромных домов, притонов и домов терпимости сразу возросло почти в пятнадцать раз! «Город был наводнен отбывшими тюремное заключение преступниками, всевозможными жуликами, игроками, продавцами наркотиков и проститутками. Отчисление в пользу полиции составляли тысячи долларов в неделю, а двери домов терпимости были открыты круглые сутки», — пишет газета «Пост диспетч».

Во главе этого «дела» стал синдикат. Владелец его, как утверждает печать, проликали в столицу штата и даже в Вашингтон.

Неоднократно по улицам города проходили демонстрации с требованием принять меры против преступности. Власть в ответ попыталась закрыть только один городской дом. На большее, разумеется, они не решились. И это понятно, если учесть, что «синдикат гангстеров» по своим «оборотам» вплотную приближается к предпринятиям крупнейшей компании «Юнайтед стейтс стал корпорейшн» и в средствах для подкупа властей не стесняется.

Американский поэт Карл Сэндберг называл Чикаго «городом широких плеч». Нынешние хозяева Чикаго взвешивали на эти плечи огромный груз социальной несправедливости, угнетения, эксплуатации и варварского отношения к простым людям. Не случайно наблюдатель, которого никак не удерживало в присутствии у угнетенным, и тот констатировал: «Безупречная роскошь жизни здесь сочетается с неприкрытой нищетой, превращаемой людей в жалкие существа».

Таков этот «образцовый город» США, плацдарм и витрина «американского образа жизни».

М. СВЕТЛОВ

ПАБЛО НЕРУДЕ

Правительство Чили Порвало с державой Советов, в Советской столице Чилийский посол не живет — Закрыто посольство. Но я не жалею об этом, Раз в нашей Москве Я чилийского слышу поэта И вижу за ним Непокорный чилийский народ.

Евг. ДОЛМАТОВСКИЙ

ВСТРЕЧА С ДРУГОМ

Когда Пабло Неруда вошел на трибуну Большого зала консерватории, две тысячи москвичей стоя приветствовали его. Это была встреча советских писателей и чилийской Москвы со знаменитым чилийским поэтом.

Виднейший поэт Латинской Америки, пламенный борец за мир и демократию, чилиец Пабло Неруда широко известен в нашей стране. С великим вспоминали мы о нем в прошлом году, когда под его поэмами и стихами стояла подпись: «Гетто в Америке», и с радостью мы узнали, что поэт благополучно прибыл в Париж на Конгресс защиты мира.

И вот Неруда в Москве. Он обращается к москвичам на испанском языке, и, прежде чем русская девушка переводит его речь, в зале гремит аплодисменты. В Советской стране знают испанский язык, язык Сервантеса и Делорес Ибарри.

С болью говорит Неруда о своей родине, угнетаемой американским империализмом. Он рассказывает о бедных чилийских лачугах, в которых ему пришлось больше года скрываться от преследователей, о домах, где люди хранят портреты товарища Сталина. Он говорит о любви чилийских трудящихся к великому Советскому Союзу — знаменосцу мира и прогресса.

Пабло Неруда прочитал «Песнь любви к Сталину» — произведение, полное благодарности и уважения к советскому народу, освобождению человечества. За много тысяч километров от Сталинграда находился пост тогда: когда писал свою песню, посвященную защитникам славного города. Но это вдохновенное произведение написано человеком, который душой был вместе с нами, когда у берегов Волги релались судьбы мира.

Председательствовавший на вечере Александр Фадеев рассказал о славном пути поэта — борьба и трибуна. С горячий речью о Неруде выступил Мать Эрнбург. Испанские стихи следились на этом вечере со стихами советских поэтов, приветствовавших своего верного друга и собрата. Анатолий Софронов читал стихи о Москве, Степан Шнатов, Алексей Сурков и Николай Грибачев выступили со стихами в защиту мира, против поджигателей войны. Семен Кирсанов, Сергей Михалков и Николай Тихонов обратились к гостю со стихотворными приветствиями. В стихах Николая Тихонова хорошо сказано о некорпорной воле, которую хотели убить пазан:

И спрятали в шахтах ее горняки, Ее увезли в океан моряки. Летела она на волнах. В городах, Под небом Парижа и в чешских сиадах Встречали ее, как сестру, пролетая На Залед. свободные песни Китая. И в песни Москвы эта песня вилелась. Так просто, как будто бы здесь

родилась, Так просто, как звезды Москвы через

Народу чилийскому видны всему.

Пабло Неруда услышал в этот вечер голоса не только русских друзей. Поэт свободный Китаа Емн Сяо прочитал фронтные стихи, чешский писатель Ян Дра приветствовал чилийского поэта от имени своей страны, строящей социализм.

Московские студенты преподнесли Пабло Неруде огромные букеты цветов. Я не знаю, какие цветы растут на чилийской земле. Но эти алые цветы Москвы поэт прижал к сердцу, как свои родные. И вместе с цветами образ этого вечера поэт унесет с собой, как драгоценное воспоминание о встрече с верными друзьями, которые всегда и введе с ним, которые помогают ему в благородной борьбе за мир и справедливость, за свободу всех народов!

Новые книги

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Пушкин А. Полное собрание сочинений В 10 томах. Цена каждого тома 15 р. Т. 1. Стихотворения. 1813—1820. 228 стр.; Т. 2. Стихотворения. 1821—1826. 464 стр.; Т. 3. Стихотворения. 1827—1832. 332 стр.; Т. 4. Письма, Сказки. 552 стр.; Т. 5. Евгений Онегин. Драматическое произведение. 623 стр.; Т. 6. Художественная проза. 813 стр.; Т. 7. Критика и публицистика. 768 стр.; Т. 8. Автобиографическая и историческая проза. История Пугачева. Записки Морозова-Врача. 580 стр.; Т. 9. История Петра. Заметки о Камчатке. 599 стр.; Т. 10. Письма. 863 стр. Издательство «Броудлей», 64 стр. Цена 1 руб. 50 коп. (Научно-популярная серия). 32 стр. Цена 1 руб. Мейлах Б. А. С. Пушкин. Очерк жизни и творчества. (Научно-популярная серия). 200 стр. Цена 10 руб.

ГОСПИТАЛ
Еголия А. А. С. Пушкин — великий русский поэт. 64 стр. Цена 1 руб. Ермалов В. Наш Пушкин. 96 стр. Цена 1 руб. 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Пушкин А. Муза пламенной сатиры (Облигательные стихи и эпиграммы). (В серии «Библиотека «Броудлей»). 64 стр. Цена 1 руб. 50 коп. И. Жизнь Пушкина. Очерк. 32 стр. Цена 60 коп.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ. Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН (зам. главного редактора), Б. ГОРБАТОВ, А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ, М. МИТИН, И. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.